

П. Л. Б е л к о в

К определению понятия кунстнауки, или Безвыходное Положение

«Ложечка мёду – пробормотал медвежонок про себя – или... или уж нет, на худой конец».

И он глубоко вздохнул и стал очень стараться слушать то, что говорила Сова.

А Сова говорила и говорила какие-то ужасно длинные слова, и слова эти становились всё длиннее и длиннее...

\

[Примечание. Ранее на странице сайта в примечании к очерку «“Морфология сказки” и поклонники, или Дети лейтенанта Проппа» я ввел понятие кунстнауки в том контексте, который не вполне настраивает на рассуждения в академическом стиле. Но это смех сквозь слезы или, лучше сказать, смех на похоронах науки. На самом деле я отношусь к этому понятию вполне серьезно. Результатом такого смешения чувств стал нижеследующий текст-попурри.

О термине спорить не будем. Если интернет не ошибается, раньше такого термина не существовало. Лишь однажды Google выдал нечто такое: «die Gedächtnis – KunstNauka». На проверку оказалось, что робот невнимательно прочитал фразу из одного французско-немецко-польского словаря XVIII в.: “l’art memorial, die Gedächtniß=Kunst. Nauka o sprawowaniu pamięci”¹. Речь, разумеется, идет о мнемонике (Gedächtniskunst).]

В первом приближении кунстнауку (курьезную науку) можно представить в виде кабинета редкостей или кунсткамеры, где в качестве экспонатов выступают не вещи, а концепции (интерпретации), общий признак которых – курьезность с любой точки зрения. При экспонировании подобные вещи (без кавычек) ничем не отличаются от вещей из старинных кунсткамер, т.е. «предметов искусства и необычных объектов», которые привлекают собирателей и публику, «благодаря своему материалу или нестандартному внешнему виду»² (сабля с рукоятью из ветви красного коралла, резной кубок из скорлупы кокосового ореха, оправленный в золото, чучело тельца с двумя головами и тому подобное). И объясняется это одинаково, «тягой к знаниям и любопытством», а также «стремлением к красоте и богатству». На современном молодежном языке все это умещает в себе слово «хайп».

¹ Nouveau dictionnaire françois, allemande et polonois... Tome second. Leipzig, MDCCLXXII: 3606.

² <http://www.russianvienna.com/avstrijskaya-kultura/656-2010-10-19-18-31-19>

Если это верно, то более удобного места, чем интернет, для размещения таких коллекций научных раритетов и придумать нельзя. В этом смысле, кунст-наука есть систематическая деятельность по созданию историографических фактов, или информационных поводов, ради них самих и независимо от их происхождения в отношении к действительности. Для участников этого процесса важен сам факт, или ощущение, введения в оборот научных по форме предложений, которые бы внешне отличались от уже существующих. Следовательно, кунстнаука – это чистая деятельность в сфере языка. Вот бы Нейрат посмотрел, как живет наука, применяющая его теорию на практике!

Да, мы имеем счастье жить в эпоху, когда, как мечтал один из персонажей фильма «Берегись автомобиля», народные театры вытеснили – наконец! – театр профессиональный. К шлифовальному станку, правда, никто так и не встал, но гранты получают регулярно. В настоящее время в это движение стали охотно вливаться не только деятели театра, но и деятели науки.

Конечно, все видят или чувствуют, что современная наука, особенно гуманитарная, как принято теперь говорить, пробивает одно дно за другим. Единственным ориентиром, при ответе на вопрос, где мы находимся, в сфере научной деятельности или уже за ее пределами, служит уже только должность и ученая степень.

И во всем виноват интернет? Интернет-ученые обвиняют просто ученых в натягивании... ну, в общем, совы на глобус. Последние не остаются в долгу, навешивая на своих обидчиков ярлыки «антинаука», «псевдонаука», «квазинаука» и пр. Действительно, здесь приходится выбирать: либо резать правдую матку, невзирая на ее нечеловеческие крики (от «ученые скрывают» до «да вы что там, обалдели?»), либо пускаться во все тяжкие по части философствования и везде искать – и обнаруживать! – смыслы, великую сермяжную правду. На худой конец (в терминах Винни-Пуха), можно удовольствоваться «структурами разума». В результате гости (интернет-аудитория) буквально застревают между академической и неакадемической наукой. Вот так всегда – идешь в гости, а попадаешь в Безвыходное Положение.

[Примечание. Надо сказать, посетители различных форумов в интернете или в реальных аудиториях, по билетам, не являются такими уж невинными жертвами. Они требуют ни много ни мало, чтобы их «просветили» без всякой подготовки, за пятнадцать минут объяснив теорию относительности Эйнштейна. Именно эту услугу им и оказывают.]

Понятие кунстнауки не следует путать с понятием лженауки (= антинауки = псевдонауки = квазинауки и пр.), неудобство которого состоит в принципиальной неопределимости. Примечательно, что в старых и новых энциклопедиях мы не найдем статей, посвященных антинауке, псевдонауке, квазинауке и др. Не случайно и критика так называемой антинауки сводится к обвинениям в нарушениях академической этики, в основном к двум – в невежестве и стремлении к сенсационности. Попытки критиковать антинауку, уничтожить её раз и навсегда, при переносе обсуждения в содержательную область всякий раз терпят неудачу.

Возьмем, такой, казалось бы, убийственный («википедийный») аргумент: «Псевдонаука игнорирует важнейшие элементы научного метода — экспериментальную проверку и исправление ошибок. Отсутствие этой отрицательной обратной связи лишает псевдонауку связи с объектом исследования, способствует накоплению ошибок».

По поводу игнорирования научного метода в целом вам скажет Томас Кун: «Если заставить исследовать электрические или химические явления человека, не знающего этих областей, но знающего, что такое “научный метод” вообще, то он может, рассуждая вполне логически, прийти к любому из множества несовместимых между собой выводов»³.

Что же касается «исправления ошибок», тут как тут Имре Лакатос со своей известной максимой: «У ученых толстая кожа». Как он пишет: «Они не откажутся от теории просто потому, что факты противоречат ей. Обычно они либо изобретают некую спасательную гипотезу, чтобы объяснить то, что они потом назовут просто аномалией, либо, если они не могут объяснить эту аномалию, они игнорируют её и переключают внимание на другие проблемы»⁴.

Заметьте, здесь он говорит именно об ученых, а не о каких-нибудь там «псевдоученых»! Примерно то же говорил Карл Поппер относительно собственного критерия демаркации науки, признавая, что ученые никогда не спешат фальсифицировать теории, несмотря на многочисленные факты, им противоречащие⁵.

Одни философы науки говорят об отсутствии четких границ между наукой и не-наукой, другие саму идею поиска таких границ объявляют псевдопроблемой, третьи признают отсутствие общего критерия, указывая на то, что проблема псевдонаучности решается (только) в отношении конкретных учений, ибо представления о научности тех или иных учений меняются во времени.

Тот же Лакатос говорил: «... утверждение может быть псевдонаучным, даже если оно представляется очень правдоподобным и все в него верят, и оно может быть ценным с научной точки зрения, даже если оно представляется не вызывающим доверия и никто в него не верит. Теория может иметь высокую научную ценность даже в том случае, когда никто её не понимает, не говоря уже о том, что никто в неё не верит». И далее: «Познавательная ценность теории не имеет ничего общего с её психологическим влиянием на человеческие умы»⁶. Так что же: наука наукой, а психология психологией? Получается, что наука как мёд: она – если есть, то её сразу нет. «И нет конца страданиям».

В этом пункте мы начинаем понимать, почему указание на конкретные ложные учения не всегда, но все-таки удаются даже непрофессионалам (астрология, френология, графология и др), а указание на псевдонауку вообще не в состоянии осуществить даже профессионалы из профессионалов. По той же причине, по которой можно изобрести паровой двигатель, двигатель внутреннего сгорания,

³ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975, с. 19.

⁴ Lakatos I. The methodology of scientific research programmes. Philosophical Papers. Volume I. Cambridge, 1978, p.4.

⁵ См.: <https://plato.stanford.edu/entries/popper/#ProbDema>

⁶ <https://www.liveinternet.ru/users/4494253/post209494928/>

реактивный двигатель, но нельзя изобрести вечный двигатель. Одни виды учений (ученых) переходят в другие. Принципиально невозможно создать универсальный градусник, измеряющий температуру учения независимо от той научной среды, в которой оно возникает. «Работающие ученые», пытающиеся в борьбе с псевдонаукой встать на путь обобщения, попадают в положение изобретателя вечного двигателя или философского камня в области философии науки (см. Приложение).

Правда, с некоторых пор в научных кругах стало более приличным утверждать, что проблема демаркации – это, скорее, социальная проблема и решать её должно научное сообщество в целом, мол, нарастет – само отвалится. В терминах Лакатоса, это не что иное как очередная спасательная (спасительная?) гипотеза или тот случай, когда, будучи не в силах объяснить данную «аномалию», ученые стараются не думать о ней. Однако интересно: что в этом случае следует делать? Прибегнуть к процедуре голосования или «общественного договора»? В большинстве случаев так, между прочим, и делается.

Остается предположить, что демаркация науки заключается, все-таки, не в указании линии какой-либо отдельной научной партии, т.е. рытья окопов на страницах конкретного рецензируемого журнала. Линия демаркации между наукой и не-наукой является точкой, представляющей целую систему отношений, но не между членами научного сообщества, а между существующими теориями, которые могут выяснять между собой эти самые отношения многие десятилетия.

Разумеется, ученые не должны стоять в стороне, наблюдая, как теории (знаковые системы) сами разбираются между собой. Они, ученые, необходимым образом выступают в качестве арбитров. Такой подход диктуется семиотикой в той её части, которая именуется прагматикой. Здесь надо лишь помнить слова основоположника семиотики Ч.Пирса, предупреждавшего о недопустимости отождествления понятия прагматики с понятием прагматизма.

Для того, чтобы выступать в роли арбитра ученый должен иметь некоторые знания и навыки судейства, которые заключаются в умении отличать предмет исследования от объекта исследования, процедуру обобщения от процедуры абстрагирования и, наконец, постановку проблем от постановки задач. Такое определение понятия науки называется практикой. Если адаптировать одно известное высказывание, не надо бороться с псевдонаукой, надо заниматься наукой.

В данном случае мы имеем дело с философией науки, или логикой и методологией науки. Это и есть та сеть, которую можно набросить на «окружающую» нас, наступающую на нас, поглощающую нас, казалось бы, необъятную и потому неуловимую кунстнауку.

С другой стороны, поскольку кунстнаука по своим свойствам обнаруживает явное сходство с фольклором, вполне вероятно, что нам удастся выделить особые жанры кунстнауки. Только определять их следует не по внешним признакам, не по поэтике, а по структуре соотношения с действительностью. По этому поводу заметим также, что участие в судебных процессах наподобие форума

«Ученые против мифов» в организационном плане противоречит самим основам научной деятельности. По той же самой схеме святая инквизиция выступала против науки. Устройство интеллектуальных аутодафе, «актов веры», в науке неприемлемо даже в отношении кажущихся очевидными вещей, ибо порой они оказываются слишком очевидными. Интригующего вопроса «а судьи кто?» мы пока касаться не будем.

Вместо эпилога

Пух уже довольно давно говорил по очереди то «да», то «нет» на все, что бы ни сказала Сова. И так как в последний раз он говорил «да, да», то на этот раз он сказал: «нет, нет, никогда!» — хотя не имел никакого понятия, о чем идет речь.

Итак, нам пришлось рассуждать на тему псевдонауки с одной единственной целью — как можно более точно выделить предметную область кунстнауки. Пусть это будет множество высказываний, или теорий, которые их создатели вводят «как видно, напоказ» («известно, что слоны в диковинку у нас»).

Следовательно, в конечном счете, границей предметной области кунстнауки является условие, согласно которому мы отвлекаемся от вопроса, где проходит демаркационная линия между наукой и не-наукой, тем более, что она не совпадает с линией разграничения между академической и неакадемической наукой. Другими словами, множество кунстнаука мы пытаемся задать не списком, не свойством, но правилом. Здесь одним термином приходится обозначать и дисциплину, и ее предмет (ср. история и история).

В дальнейшем мы сосредоточимся на изучении тех явлений кунстнауки, которые возникают в пределах именно академической науки. Делаем мы это потому, что в данном случае имеем дело с хорошо видимой границей подобной административной или государственной, со своими постами, шлагбаумами и пограничной стражей в виде редколлегии научных журналов, печатных и «непечатных» (простите, электронных).

Безусловно, аматер⁷ (по словарю Даля: «любитель, знаток, охотник до чего; занимающийся чем не по званию, а по призванию, любви, охоте, наклонности»)

⁷ Весьма поучительно, в словаре Даля отсутствует слово «дилетант».

нас интересует меньше, поскольку его «дилетантизм» кажется не таким страшным для науки, как «дилетантизм» профессионала. Разумеется, в область исследования кунстнауки непосредственно не входят и работы сугубо идеологической направленности, в которых утверждения в форме научных предложений, используются как инструменты риторики в отстаивании политических взглядов.

В свою очередь, внутри академической науки меня, в силу чисто профессиональной принадлежности, интересует область исторических (социальных, гуманитарных) наук. Эта область привлекательна еще и тем, что входящие в нее науки изначально противопоставляются естественным наукам по признаку не-научности, имея в виду, что явления, изучаемые историческими науками, не поддаются не только числовому выражению, но и формализации в узком смысле.

Это действительно должно быть очень интересно. Как возможно в сфере знания, по определению являющейся не-наукой, по сути, сплошь кунстнаукой, говорить о существовании псевдонаучных теорий? При изучении опыта борьбы с псевдонаукой становится видно, что там, где «физики» вменяют в вину своим врагам-дилетантам «невежество», «лирики» говорят о «сенсационности» (см. Приложение). Это весьма показательно в том, что представители гуманитарных областей знания очень охотно признают навязанное им естествоиспытателями деление на точные и описательные науки, ибо в данном контексте описательность выступает синонимом не-научности. Получается, что в гуманитарной области невеждой быть в принципе невозможно. Невежество в науке – это незнание или непризнание общепринятых парадигм. А если конкретную науку, например, историю или этнографию, предлагается рассматривать как непарадигмальную («описательную») область знания? Незнание становится знанием, знание – незнанием и этот «переворот в науке» возводится в принцип. Кто-то скажет, что это очень плохо, но для кого-то это очень удобно.

Пожалуй, крайнюю форму кунстнауки представляет та её в настоящее время очень значительная часть, которую по аналогии с постфольклором можно определить как область словесности, тексты которой развиваются по научным схемам, но не подходят под определение понятия науки, предполагающей обращение к внеязыковой области. Известное противоречие в утверждениях Отто Нейрата⁹ легко преодолевается за счет довольно простого, в сущности, психологического приема. Сначала, оставаясь внутри замкнутой языковой области авторы «выражают все» (что захотят), а затем наведываются во внеязыковую область за подходящими фактами. Так современная наука шаг за шагом возвращается в первобытное состояние близкое к эпохе кунсткамер.

26 октября 2019 г.

⁸ Между прочим, настоящим протагонистом моего очерка «Морфология сказки» и поклонники, или Дети лейтенанта Проппа. Пролог» следует считать не Д.Ю.Пучкова («как простолудин» он просто попал под раздачу), а Е.Н.Яковлева, который имеет формальное право (лицензию) на высказывания в области исторических наук.

⁹ См. об этом: Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982, с.69-70.

Приложение

Для равновесия возьмем наугад две работы: одну из сферы гуманитарных наук, а другую – из сферы естественных наук.

1) Флиер А.Я. Поп-наука: между познанием и развлечением // Знание. Понимание. Умение. 2013, № 1, с.32-44.

Из краткой аннотации в начале статьи мы узнаем: «Автор вводит в научный оборот понятие «поп-наука», которое подразумевает научную деятельность, не открывающую новое знание, а занимающуюся созданием экстравагантных и сенсационных интерпретаций уже имеющегося знания. Поп-наука выполняет функции одного из инструментов массовой культуры».

Автор исходит из того, что главный признак явления современной культуры, называемого им «поп-наукой», – установка на развлечение, в связи с чем «академическое научное знание» интерпретируется поп-наукой в духе экстравагантности и сенсационности (стр.32). При этом он отмечает, что феномен поп-науки определяется им по аналогии с поп-культурой. Это очень странно, поскольку, например, поп-музыка не является результатом интерпретации классической музыки, которая к тому же, как известно, тоже нацелена на развлечение публики. Наконец, то, что автор называет поп-наукой, вполне благополучно существовало во времена, по его определению, классической науки XVII – XVIII веков.

Что же касается самого тезиса о том, что поп-наука, не создает новое знание, но лишь интерпретирует уже существующее знание, вопросов возникает еще больше. Во-первых, что делать с научно-популярной литературой, которая тоже не создает нового знания и, безусловно, должна быть занимательной («развлекательной»), иначе она не сможет выполнять просветительскую функцию? Во-вторых, является ли поп-наука чем-то принципиально отличным от лженауки, псевдонауки и квазинауки? Если да, то почему в качестве примеров поп-науки автор приводит тексты, которые обычно характеризуются каким-либо из трех только что упомянутых терминов? И, наконец, если поп-наука – это удел исключительно дилетантов, то как им удастся «интерпретировать», передавать содержание научных трудов, хотя бы в измененном свете? Для этого нужны довольно твердые профессиональные навыки в составлении текстов, и потому подобными интерпретациями, если говорить о гуманитарной отрасли, чаще всего занимаются как раз те авторы, для которых наука является местом службы.

«Поп-науке – пишет А.Я.Флиер – свойственно постоянное, а порой и демонстративное отступление от академических норм научной строгости, корректности, аргументированности и доказательности, несоответствие критериям верифицируемости, фальсифицируемости иным общепринятым способам установления научной достоверности исследования» (стр.32). Понятия верифицируемости и фальсифицируемости не могут быть общепринятыми, так как второе возникло в качестве отрицания первого, а в целом это набор общих лозунгов, позволяющий установить только одно: под поп-наукой автор подразумевает то, что другие называют псевдонаукой, лженаукой и т.д. Но тогда зачем автор вообще ввел этот термин? И не столкнулись ли мы здесь с одним из случаев «создания экстравагантных и сенсационных интерпретаций уже имеющегося знания»?

Особое место в статье уделено Л.Н.Гумилеву, поскольку его пример, по словам автора, характерен для поп-науки в целом (стр.40). Ничего себе сказано!

В самых общих фразах автор приписывает Гумилеву «нацеленность на высокую сенсационность» и «незнакомство» с классиками эволюционизма, основами марксизма, социологическими теориями XIX-XX вв., зарубежной антропологией и советской этнографией. В чем состоят признаки этого незнания, автор не поясняет, видимо, апеллируя к расплывчатым представлениям о его учении, основанным на устных преданиях, имеющих хождение в научных кругах. Во всяком случае, с советской этнографией и с «марксизмом» в лице теории этноса Ю.В.Бромлея Гумилев был знаком очень хорошо, а он, в сущности, ничем не занимался, кроме создания альтернативного учения об этносе, причем на основе естественных научных методов.

(Впрочем, для логики и методологии науки рассуждения автора ценны более всего тем, как он определяет понятие научности гуманитарных исследований: вы обязаны знать, но можете не пользоваться (стр.39)).

«Одновременно, – уверенно пишет автор, – Гумилева отличал и выраженный научный и культурный консерватизм, неприятие современности как социокультурного феномена, что сделало его идеологически близким определенной части читателей» (стр.39-40). Возможно, определенной части читателей данного автора и понятно, что такое «неприятие современности как социокультурного феномена». Но о каких читателях идет речь в самой статье? Это раскрывается в обширном примечании, где имя Гумилева ставится рядом с именами Муссолини, Гитлера и барона Унгерна на том основании, что он был равнодушен к степным цивилизациям (стр.41, прим.10). И вот что дорого – никакого, ну, ни малейшего, стремления к сенсационности!

2) Амуся М.Я. Антинаука, квазинаука, псевдонаука. Невежество на марше, а потому «прошу к столу — вскипело!»¹⁰

Статья вызвана откровенно выраженным желанием поквитаться с псевдонаукой, квазинаукой или антинаукой, представители которой (или которых), «не учёные, или попросту неучи», в последнее время овладели новым оружием – Интернетом. Поскольку в данном случае наша подсудимая персонифицирована вполне конкретным лицом, становится понятно, при чём здесь интернет с большой буквы.

В сущности, вся статья переполнена признаниями в бессилии перед дилетантами. «Перед напором неуча, – сетует автор, – иногда тушуются и научные работники. Помню курьёзный случай на конференции по теории атома в Ленинграде, в Доме Учёных на набережной Невы. Там было целое заседание, во время которого из первого ряда после каждого доклада некий человек задавал один и тот же вопрос: «Что вы хотите этим сказать?». Докладчики буквально терялись, а спрашивающий действительно не понимал, о чём речь, поскольку был, как выяснилось, случайно забредший к нам электромонтёр». Так вот кто в пуделе сидел! Оказалось, электромонтер. А если бы тот же вопрос задал доктор физико-математических наук? Тогда бы докладчики уж не терялись, тогда бы нашлись?

Вот еще одно не самое удачное суждение: «Неучи всегда требуют найти у них ошибку¹¹. Но ведь абсолютно нелогичные заключения, ни откуда не следующие выводы — это ведь тоже ошибки». По какому-то удивительному совпадению, ученые тоже «всегда требуют найти у них ошибку», голословное отрицание считается признаком ненаучного подхода.

¹⁰ <http://club.berkovich-zametki.com/?p=30893>

¹¹ Вариант: «Обычно дилетант требует от адресата, если он профессионал, ответа на свою «теорию», доказательства её неверности, или, того лучше, признания верности».

Однако самое замечательное в этом пассаже – союз «но», с которого начинается второе предложение. Употребление этого союза означает, что автор неоднократно оказывался в положении, когда был не в состоянии указать ошибку, и поэтому теперь, задним числом (*Treppenwitze* – «остроты на лестнице»), говорит о нелогичных заключениях и необоснованных выводах как «тоже ошибках». Вероятно, тому самому «неучу», на которого направлена критика, надо было просто указать на то, что в своем умозаключении последний исходит из ложной первой посылки ¹².

И уже совсем не следовало использовать такое оружие, как оскорбительные ярлыки, вроде: «Ан13 — существо распространённое и вредное, заметно подрывающее доверие к профессионалам, и борьба с ним — занятие для научного работника просто необходимое». Как же это мифическое böse Wesen может украсть душу ученого, т.е. наколдовать так, чтобы исчезло доверие к нему как профессионалу? И потом не превращается ли борьба с «ананами» в разновидность экзорцизма, или, в лучшем случае, судя по одному из примеров истинного профессионализма, в нечто подобное врачеванию. Описывая, как он безошибочно определяет всякую «муру», автор вспоминает: «Как рассказывал мне когда-то очень высококвалифицированный врач, блестящий диагност — он ставил диагноз по виду пациента, сразу, когда тот входил к нему в кабинет».

Комичность ситуации заключается в том, что автор, выступающий против всевозможных «Рогов и копыт», является членом РАЕН с 2002 и награжден медалью РАЕН им. П. Л. Капицы «Автору научного открытия» (2004). А вот мнение Нобелевского лауреата академика В. Л. Гинзбурга: «Российская академия естественных наук — это же сплошная липа, это добровольная организация, куда идут те, кого не выбрали в РАН или другие настоящие академии». На это академику Гинзбургу, конечно, можно было бы весьма резонно возразить. Прежде всего, в том, плане, что РАЕН – самая что ни на есть настоящая академия, ибо печатный орган РАЕН, «Вестник Российской академии естественных наук», под № 107 входит в список журналов ВАК с указанием импакт-фактора Российского индекса научного цитирования. И как же теперь проводить границу между наукой и псевдонаукой?

Вот, что пишет об этом М.Я.Амусья: «Конечно, обрати на это внимание членов всевозможных «Рогов и копыт», и они тебе в два счёта объяснят, что наличие степени «ни о чём не говорит», как и место работы, журнал, где публикуешь труды, да и другие характеристики нормального научного работника». В этом месте почему-то приходит на память эпитафия французского поэта Пирона: «Он не был при жизни ничем, даже академиком» ¹⁴. К мнению французов следует прислушаться. Они занимаются изучением этого вопроса уже несколько столетий. Читайте Рабле и Монтескье. Любая настоящая академия, любой настоящий университет может стать всеобщим посмешищем. В начале 80-х гг. XVIII в. в императорской Академии наук разразился громкий и, так сказать, многогранный скандал, в рамках которого упоминалась довольно болезненная тема приема в члены Академии лиц, не соответствующих критерию учености. Речь, правда, шла не о действительных, а о почетных членах.

Между прочим, свою остроумную эпитафию Пирон придумал, кажется, после того, как сам безуспешно пытался стать членом столь презираемой им академии (а РАЕН в те времена еще не было). В общем, приходится говорить о неумолимости закона открытого множества в формулировке Зенона. Как известно, Ахилл никогда не догонит черепаху. Отечественный

¹² <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=9513>

¹³ Ан – агрессивный неуч (термин М.Я.Амусья. – ПБ)

¹⁴ Как это принято писать, пользуемся материалами Ю.Н.Тынянова. – ПБ.

вариант апории звучит еще более актуально: «На всякого мудреца довольно простоты». Это значит: мудрец никогда не переубедит невежду.

Как следствие, все рецензии или обзоры «псевдонауки» и иже с ней представляют собой филиппики, которые в качестве образцов чистой риторики рассчитаны не на доказательство, а на убеждение, следовательно, не имеют научного значения. Конечно, можно согласиться с тем, что в большинстве случаев человек, профессионально разбирающийся в вопросе, может с первого взгляда определить так называемую «муру». Но это – когда речь идет о «читать или не читать». Однако если уж вы взялись критиковать, то разбирать эту «муру» придется по тем же правилам, что и профессиональные работы.